

Глава 1

Леди Фарнсуорт после смерти мужа, барона, перестала заботиться о мнении света. Месяц спустя вдова принялась одеваться и вести себя как заблагорассудится. Тремя годами позже самые снисходительные представители высшего общества звали ее оригиналкой, не самые — куда грубее.

Но странного решения нанять секретаршу не одобрил никто. Утверждали даже, что леди Фарнсуорт помешалась.

Указанная секретарша, Аманда Уэверли, нанятая по самым похвальным рекомендациям, питала к работодательнице и ее порыву только признательность, порой мешавшуюся с облегчением, поскольку в прошлом Аманды было то, чего леди Фарнсуорт и вообразить не могла.

Об этом размышляла Аманда, сидя в конце мая за своим письменным столом в библиотеке леди Фарнсуорт. Красивым почерком она перебелила написанное леди Фарнсуорт сочинение. Черновик перед ней пестрел исправлениями и вставками, и она старательно вносила их в чистовик.

Но в открытое окно библиотеки веял легкий ветерок, и сосредоточиться было непросто.

Подняв глаза, она видела оживленную Грин-стрит и роскошные экипажи, катящиеся к Гайд-парку. Экипажи ей больше нравились открытые, позволявшие леди демонстрировать шляпки и наряды. Из окна доносились обрывки дамской болтовни, но больше всего ее веселил беззаботный смех. Все это ласкало слух, словно тихая музыка, и Аманда невольно замурлыкала одну из любимых песенок.

Обычно подобное зрелище навевало ей радостную мысль, насколько удачно, вопреки началу, сложилась жизнь. Но сейчас ей сразу вспомнилось письмо, лежавшее в сумочке и заданное себе на сегодня поручение.

Узнай об этом леди Фарнсуорт, она мигом бы расчитала секретаршу.

— Вы закончили?

Аманда подняла глаза и увидела склонившуюся над ней леди Фарнсуорт. Темноглазая и темноволосая дама в возрасте, чьи излюбленные платья лишь придавали ей неуклюжей внушительности, утверждала, что нынешние высокие талии не красят зрелые фигуры, и отдавала предпочтение фасонам сорокалетней давности. А без решительно отвергаемых ею за неудобство тесных корсетов прошлого выглядела она куда солиднее, чем могла бы в новинках сезона.

Поверх этих расшитых галуном, украшенных оборками и лентами одеяний вдова накидывала, как тогу, через плечо длинную шаль. Сегодня леди Фарнсуорт красовалась в розовой чесуче с голубой вышивкой и белыми кружевами, дополненной шалью в мелкий

цветочек. Цветочек весьма неудачно сочетался

4 с узором мебельной обивки.

— Я почти закончила, — уставилась на перо Аманды. — Может, еще около часа.

— Первый чистовик? Вы приболели? Обычно вы проворнее.

— Тут много исправлений и вставок. Но я закончила два письма.

— Дайте посмотрю. — Сильная рука выхватила бумаги. — Вздор. Часа не потребуется — в лучшем случае минут пятнадцать. И написано хорошо, поэтому переписывать еще раз не нужно. Это мы на встречу и принесем.

— Мы?

— Разве я вам не сказала? Хочу, чтобы вы пошли со мной и я могла вас представить. — Она критически оглядела платье Аманды. — Опять на вас эта тоска зеленая? Я подарила вам несколько платьев на перешивку, чтобы вы распрощались со столь неприглядным цветом.

— Я очень ценю ваши подарки. Вы видели, я их прекрасно перешила. Просто опасалась поставить чернильное пятно, — выпалила она, хотя это старое платье надела не поэтому, к тому же всегда носила фартук.

— Будьте любезны переодеться к нашему визиту. Хотя эти люди не смотрят на одежду, но вы так милы, когда не прибедняетесь, — произнесла леди Фарнсорт и, словно добрая тетушка, погладила ее по голове: — Мисс Уэверли, всем известно, какое сокровище я обрела в вашем лице и как ценю ваши способности. Вот что главное.

— Если нам предстоит встреча, я хочу сходить за покупками. Я успею?

— Магазины на Бедфорд-сквер как раз подойдут. Встреча не займет больше четверти часа, поэтому заканчивайте, и мы должны успеть. О, и подпишите за меня письма. Не сомневаюсь, у вас выйдет даже лучше, чем у меня, к тому же мне не хочется поставить кляксу на одежду.

Четверть часа — в самый раз. Аманда молилась, чтобы встреча не продлилась дольше, хотя для ее поручения Бедфорд-сквер подходила идеально.

Она взглянула на свою простую сумочку. В ней лежало письмо, которое она вчера вечером извлекла из своего почтового ящика. Письмо, надо сказать, душе-раздирающее.

На новой работе она слишком оптимистично поверила в избавление от худшей участи. Тени прошлого выплыли из небытия и напомнили, что заговор продолжается. Но пока она не узнает, кто за всем этим стоит, ей придется подчиниться. От нее зависела свобода и даже жизнь матери.

Габриэль Сент-Джеймс, герцог Лэнгфорд, сгорал от нетерпения, пока его экипаж медленно катил по городу на восток. С такой ездой визит грозил затянуться на целый день.

Без того скверное настроение испортилось окончательно. Его утомили поздравлениями с тем, что принадлежало ему по рождению и было унаследовано как обязанность. Улыбки и славословие казались чертовски лицемерными. Предвидь он водопад столь выпренних похвал своей речи в парламенте на прошлой неделе, предпочел бы утопить ее в бутылке хорошего кларета.

Теперь еще дурацкая затея младшего брата купить дом у черта на рогах!

Почему бы Гарри не остаться в семейном доме? Места более чем достаточно. А уж если он печется о собственной независимости, мог бы снять квартиру или дом в Мейфэре. Но нет, Гарри, со свойственной ему эксцентричностью, выбрал особняк у Британского музея. Еще бы, он там завсегдатай, наверняка знает каждый черепок в запасниках.

Злой на весь мир, Габриэль попытался отвлечься мыслями о предстоящем декадентском кутеже. Безудержный разгул неизменно улучшал ему настроение. Он намеревался согрешить с одной леди. Дотоле застенчивая, на последнем свидании та недвусмысленно дала понять, что не прочь...

Экипаж повернул и покатил, чуть набрав скорость, однако совсем ненадолго. Габриэль проклинал себя, что не отправился верхом. Было бы гораздо быстрее.

Наконец карета остановилась перед городским жилищем брата на Бейнбридж-стрит. Габриэль вышел и оглядел здание. Не то чтобы оно ему не нравилось. Кирпичный фасад, беленые консоли и наружные подоконники, может, и недурны, но даже с учетом трех этажей никак не резиденция лорда.

А еще соседний дом! Прямо над обиталищем Гарри нависал громадный особняк сэра Малкольма Найтли. Обильная резьба по камню подчеркивала как древность и монументальность возведенного до наступления эры архитектурного воздержания старинного замка, так и ничтожество кирпичного соседа. И словно в подтверждение этого контраста величественной архитектурой залюбовалась женщина. Судя по скромному зеленому платью — служанка.

Явно пораженная древней серой громадой, она даже отступила, чтобы лучше ее рассмотреть.

Габриэль вспомнил, что его сюда привело приглашение брата по весьма деликатному делу. Впервые сердце Гарри было разбито, и он страдал.

В сердечных делах Габриэль был дока, но все равно заставлял его тащиться через весь город — негуманно.

Дом, кажется, закрыт. Аманда его изучала, а сама не могла отделаться от мыслей о только что состоявшейся встрече. Четверть часа она провела в другом доме, на Бедфорд-сквер.

Ее и леди Фарнсуорт встретила прелестная блондинка миссис Галбрет. Потом они втроем сидели в загроможденной стульями и диванами библиотеке, и миссис Галбрет расспрашивала Аманду. Расспрашивала как обычную новую знакомую, только более пристрастно.

Как будто нанимала на работу. Но тогда леди Фарнсуорт вела бы себя иначе. А леди Фарнсуорт смотрела на все сквозь пальцы. Лишь под занавес упомянула, что миссис Галбрет — издательница «Парнаса», журнала, для которого она пишет. А миссис Галбрет заметила, что скоро они встретятся снова. Потом леди Фарнсуорт извинилась, сказав, что ей надо пройтись по магазинам.

Усилием воли она отвлеклась от воспоминаний о своеобразной встрече и сосредоточилась на созерцании большого дома. Она взяла корзину со снедью в правую руку, чтобы все в доме могли ее видеть. Никто из жильцов не удивится бедно одетой женщине, которая возвращается с покупками и остановилась поглазеть на жилище богачей.

Хорошо, что сэра Малкольма Найтли жил в таком заметном доме, возведенном еще в эпоху Карла. С ним в самом Мейфэре ничего не сравнится, и даже такие известные лондонские особняки, как Монтегю-Хаус и Сомерсет-Хаус, уступят ему в пышности. Обильно украшенное здание поражало еще и размерами. Она просто не представляла, сколько в нем комнат.

Затормозивший у соседнего дома экипаж не двигался с места. Она увидела, как из него вышел и остановился высокий красивый мужчина, поднял глаза и посмотрел на громаду по соседству. Он и на нее бросил взгляд, но без тени подозрительности.

Заметила его и служанка. Судя по одежде, очень богат. И таких синих глаз она никогда не видела. Шляпу он нес. Тоже хорошо. Она подумала, что та вряд ли без труда села бы на густые, модно непокорные темные кудри.

Потом он вошел в дом. Не сводя глаз с жилища сэра Малкольма, она подошла к этому экипажу. На его запятках скучал лакей, а кучер возился с уздечкой лошади.

Она подошла так близко, чтобы седовласый кучер ее заметил. Он кивнул ей и улыбнулся. Она указала на большой дом:

— Вы знаете, кто тут живет?

— Это дом сэра Малкольма. Сэр Малкольм Найтли пожилой человек. Это фамильный особняк. Таких не много. В нем есть что-то папистское. Мне не по нраву, но я человек простой.

— Весьма причудливо и впечатляюще, но не в моем вкусе. Я предпочитаю простой кирпич, как в доме по соседству. Думаю, тут живет купец.

Кучер усмехнулся:

— Разве мужчина, которого я привез, похож на купца?

— Это его дом?

— Нет, но он и не из тех, кто наносит визиты купцам. Будь у меня вместо этой парадная карета, вы бы поняли, что я имею в виду. — Он доверительно к ней наклонился и указал пальцем на кирпичный дом: — Здесь живет брат герцога, а приехал его навестить сам герцог.

— Боже мой! Никогда не видела герцога. Моя подруга Кэтрин просто обалдеет, когда узнает. Скажите, а что за герцог? Если я не назову имени, она ни за что мне не поверит.

— Лэнгфорд. А брат, который тут живет, — лорд Гарольд Сент-Джеймс.

Она оглянулась на большой дом.

— Я бы подумала, что лорд живет там.

— Ну, лорд Гарольд... — Кучер потер подбородок, подбирая слово. — Необычный. Скажем, не из тех, кому важна роскошь. Этот дом ему вполне подходит. Десятки слуг только бы доставили ему беспокойство.

— Гарольд, может, и лорд, но изнутри я предпочла бы увидеть дом сэра Малкольма. Думаю, он просто грандиозный.

— Скорее страшно пыльный. Сэр Малкольм не возвращался в город с прошлого лета. Говорят, болеет, лежит в деревне, там воздух здоровее.

Дом действительно закрыт. Какая удача.

— Возможно, если семья тут не живет, экономка разрешит мне заглянуть внутрь.

Кучер внимательно посмотрел на незнакомку.

— Какая смелая! На фунт спорю — не разрешит.

— За спрос не бьют в нос.

10 — Дело ваше.

— Постучусь с черного хода. Если меня пустят, Кэтрин обзавидуется. Скажет, что у меня отваги больше, чем разума. Она всегда так говорит. — Нахалка повернулась к большому дому. — В худшем случае дадут от ворот поворот.

Она чувствовала, как кучер буравил взглядом ее спину, когда она подходила к боковым воротам дома. Девушка подобралась к узкой тропинке между домом и садом. Когда ворота закрылись, она остановилась.

Тропинка, совсем узкая, шириной не более ярда, шла вдоль высокой стены, отделявшей владения лорда Гарольда. Она обратила внимание на окна над головой. Даже первый этаж был на высоте двадцати пяти футов.

Она потрогала каменную кладку торца дома, отметив глубину выступов между рустовкой углов здания, посмотрела на широкие подоконники над головой, а шагая по тропинке, заметила, что окна не просто закрыты — заперты. Она повернула за угол и нашла служебный вход.

На стук не ответили. Она наклонилась и заглянула в окно. Кухня была пуста. На столе — ни утвари, ни ножей. Ничего. Раз сэр Малкольм в деревне, повара нет. Если нет повара, слуг всего несколько человек.

Она не верила, что экономка разрешит ей войти, но попробовать стоило. В таком случае ее задача сильно упрощалась. Отвлечь на две минуты — и готово.

Она осмотрела самую дверь. Массив дерева, и, судя по петлям, открывается она внутрь. Заперта на три замка. Ее не удивила бы еще и щеколда. Сэр Малкольм не рисковал: наверняка знал, что такой дом, да еще расположенный не в столь элитарном районе, как Мейфэр, может привлечь воров.

Проникнуть внутрь нелегко. Значит, ей придется идти непростым путем.

Девушка вернулась в проход. На этот раз, медленно двигаясь по нему, она осматривала кирпичный дом по соседству.

— Думаю, тебе нет смысла уезжать из города прямо сейчас, — убеждал Габриэль, глядя, как Гарри складывает в чемодан рубашки, словно у него нет камердинера.

Впрочем, камердинера нет, но есть слуга, способный собрать вещи господина, только он занят другими делами.

— Не вижу, зачем мне оставаться, — пробурчал Гарри.

— Ты слишком быстро готов уступить, признать поражение.

Гарри выпрямился и уставился скорее на чемодан, чем на брата.

— Вчера вечером я видел, как она в глубине театральной ложи целует другого мужчину.

— Тогда поговори с ней. После того как ты столько времени за ней ухаживал...

— Эмилия, видимо, не считала это ухаживаниями, — с горечью произнес он. — Я должен был знать, что после свадьбы ее сестры это произойдет. Стоит начаться сезону... Действительно, знал. Чувствовал в глубине души. Мне лучше уехать. Не хочу быть одним из тех отвергнутых женихов, что сидят в уголке гостиной, томные и несчастные.

Габриэль не сдержал улыбки. Даже в самом лучшем расположении духа Гарри немного томный и несчастный. Виной тому скорее серьезный созерцательный характер, а не физические качества.

Внешне они похожи. У Гарри такие же синие глаза и темные волосы, подбородок и рот. Гарри на дюйм ниже его, но выше большинства.

Разница между ними десять лет. Гарри родился поздно, когда отец и мать уже потеряли надежду... А кроме внешности, общего у них мало. Едва научившись читать, Гарри запоем глотал книги. Ни соблазны Лондона, ни женщины, за редким исключением, его не прельщали.

Несмотря на всю рисовку, Габриэль понимал: брат страдает от безумной неразделенной любви. Глядя на него, он вспоминал собственную юность, которой был знаком этот огонь. Он горел в груди и сжигал сердце.

Гарри потянулся за новой стопкой одежды и замер. Нацепил на нос очки.

— Габи, я с ней поговорил, прежде чем она ушла из театра.

— Что она сказала?

— Она была мила и ласкова, но... — Он пожал плечами и сардонически усмехнулся: — Она сказала мне, что стала думать обо мне как о брате.

Черт! Проклятье! Габриэль постарался не выдать себя. Эти слова означали гибель. С тем же успехом женщина могла бы сказать: «Идея любви с тобой отвратительна мне как извращение».

Гарри возобновил сборы. Габриэль подошел, оттолкнул руки брата и отложил чемодан в сторону.

— Тогда все кончено. Такое случается. Будут другие девушки.

— Но больше не будет такой красивой, такой неземной, такой...

— Такие же красивые, такие же неземные, такие же родовитые, такие же очарователь-

ные... Поверь, мир — полноводная река женственности, и хитрость не в том, чтобы найти любимую, а в том, чтобы избегнуть всех, кто ищет любви. Ты сын герцога, черт возьми, с немалым состоянием и почти так же красив, как я, а это о чем-то говорит.

Гарри коротко рассмеялся, ободрив этим брата.

— Тем не менее мне нужно на время уехать из города.

— Я приказываю тебе остаться еще на три дня. Иначе ты вечно будешь убегать только потому, что тебя бросила красotka. Это не по-мужски.

— Три дня — это целая вечность! Ведь она здесь...

— Три дня — это всего лишь три дня. Ты пойдешь в клуб и расскажешь эту историю... — Он махнул в сторону открытого чемодана, набитого книгами, в углу гардеробной. — Или любую другую. Завтра ты будешь кататься со мной в парке и улыбаться всем симпатичным дамам. И ты пойдешь на бал-маскарад леди Гамилтон.

— Я не собирался на этот бал, даже если бы Эмилия все еще меня любила.

— Ерунда. Ты собирался туда, чтобы украсть поцелуй на веранде. И теперь ты все равно туда пойдешь.

— Там я увижу ее, а это так больно...

— Да, ты ее увидишь, пригласишь на танец и, как всегда, будешь мило болтать.

Гарри опустил на стул и закрыл глаза.

— Я лучше поеду в деревню.

— Наутро после бала. И можешь похоронить себя там навсегда, написать книгу или творить что угодно, но сначала соберись и покажись в обществе.

Глаз Гарри не открывал, но несколько секунд спустя кивнул. Выглядел он очень молодо,

куда моложе своих двадцати двух. Будь Гарри совсем юн, Габриэль поступил бы иначе, мягче. Возможно, даже обнял его, как бывало, когда братишка о чем-то грустил.

Но ведь сейчас он уже не мальчишка... Однако Габриэлю все равно хотелось его приласкать и утешить.

— Я пойду. Думаю, тебе нужно побыть одному. Если захочешь, сегодня вечером приезжай ко мне на ужин. Это все еще твой дом.

— Может, приду. Посмотрим.

— Завтра в пять мы едем кататься верхом. — Габриэль взял шляпу и перчатки.

— Габи, как мило, что ты зашел.

— Для этого и нужны братья. — Он направился к двери, потом остановился. — Послушай. Если тебя переполняют эмоции, не стесняйся дать им волю. Первая неразделенная любовь — это ад.

Глава 2

Два дня спустя, ровно в шесть часов, Аманда закрыла чернильницу и вытерла перо. Аккуратной стопкой сложила на столе черновики, сунула счета в бухгалтерскую книгу, взяла ее под мышку и отправилась искать леди Фарнсуорт.

Та была в своих покоях: сидела за письменным столом и, нахмурившись, что-то писала, похоже, еще одно письмо. Аманда заметила приветствие, адресованное герцогу Веллингтону.

Ее больше не удивляло, что у леди Фарнсуорт много именитых друзей. За те пять месяцев, что Аманда у нее прослужила, некоторые из них даже наносили визиты. Обычно они сидели в гостиной,